ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗИМЫ

Николай I как семьянин, книгочей, талантливый инженер и чарующий красавец

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.
А.С. ПУШКИН

ВСЯКИЙ, КТО ХОТЬ РАЗ смотрел киноленту "Место встречи изменить нельзя", знает сцену, где Володя Шарапов диктует Фоксу отрывки из книг, якобы, для проведения графической экспертизы. "Видел я трёх царей… Первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упёк меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого я не желаю; от добра добра не ищут" — написано Пушкиным в 1834 году, а поминает он Павла, Александра и Николая. Говоря об императоре, мы отмечаем поэта; их сложные отношения. Заученно встаём на сторону Пушкина и отвечаем, как на уроке в первом классе: великого пиита земли русской убил не Дантес, но царь, двор, толпа, молва. Сам же Пушкин, если и был в обиде на государя за скромное камер-юнкерство, то не питал к нему особенно дурных чувств, а потому "Друзьям" редко цитируется в стройных школьных учебниках, ибо не вписывается в прокрустово ложе: "Но не жесток в нём дух державный: / Тому, кого карает явно, / Он втайне милости творит".

Николаю Павловичу не повезло с исторической памятью — его как-то быстро и гаденько облили позором, явив "царя-Палкина", "монарха-дубину". Иван Грозный и Пётр I — те вызывают жгучую полемику — вплоть до драки. Екатерина — восторг, смешанный с альковым интересом. Александр II чествуется как герой-освободитель и как несчастная жертва собственной нерешительности. Последний из коронованных Романовых — это любовь и жалость, равно как насмешливое отторжение: "Сам же виноват!" Целая гамма чувств… Тогда как Николай I, при котором случился золотой век русской культуры и началось активное развитие науки и техники, по-прежнему заклеймён дурацкими прозвищами, а нынешние авторы — либералы-западники повторяют слово в слово трёпаные советские хрестоматии. Почему-то не приходит в голову, что все вехи долгого николаевского правления (1825—1855) — это именно его, Николая, достижения. Он царил надо всем, во всё вникал; чувствуя и понимая военное дело, художественную литературу, мосты, паровозы, финансы. Никого не смущает дата на логотипе Сбербанка — 1844? Или год основания Императорского московского технического училища (ныне "Бауманки") — 1830-й? А возникновение железных дорог в России? А Пулковская обсерватория? А первая по-настоящему русская опера "Жизнь за царя"? Кто-то ещё болтает, что всё делалось "вопреки Палкину", которого забавляли только плац-парады и нижние юбки дурфрейлин? Он начинал свой рабочий день ещё затемно, а чиновники, идущие по своим присутствиям, видели силуэт в окне Зимнего дворца. Насчёт "раба на галерах" впервые сказал трудяга Николай Павлович!

Он оказался не просто самым оболганным, недооценённым царём в истории Отечества, но и… практически не исследованным персонажем. Николай? Вам тут же скажут: "О, это кругозор прапорщика, стеклянные глаза и оловянно-деревянные мысли". Стеклянный-оловянный-деревянный. "Я сам буду твоим цензором!" — говорит "солдафон" и росчерком пера ломает рифму, а потом — "ломает жизнь". И далее — бесконечное цитирование Александра Герцена, прямо скажем, не самого кристального человека: "Но главное — глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза".

Николаю приписывают выражение: "Надо подморозить Россию". Зима — это свежесть и прозрачный воздух. Мороз и солнце — день чудесный. Николаевское правление действительно ассоциируется с зимним балом и — зимней дорогой. С прохладой и чистотой. Он — зимний царь, повелитель зимы. Современный писатель Михаил Елизаров (автор "Библиотекаря") в своё время написал парадоксальную статью "Снежная королева и космогония льда" — о 1840-х годах в России и простенькой на вид сказке Андерсена: "Поразительно, но слащавый сочинитель-протестант из тихой провинциальной Дании сознательно ли, случайно ли воссоздаёт величественную мистерию Льда. Лёд — творец и творческий материал. Он способен породить Вселенную". Только вместо Королевы — снежный Царь с глубокими "зимними глазами". Жандарм Европы. Слово "вечность", как продолжение "православия — самодержавия — народности". Вот он мчится сквозь обжигающую метель в открытых санях… Впрочем, то уже не сказка, но — обычная картина "Николай I в санях". Год 1853-й. Автор — Николай Сверчков.

Мы — на выставке из цикла "Сага о Романовых". Место действия — Санкт-Петербург, Михайловский замок. Авторы экспозиции поставили перед собой задачу: явить не лишь образ царя, но развернуть всю палитру этой блестящей, жестокой, прорывной и неоднозначной эпохи. Зрителю предлагается отойти от школярского "знания" о царе-прапорщике, душителе и глупом цензоре: он предстаёт как семьянин и книгочей, талантливый инженер и, наконец, чарующий красавец, о котором путешественник и литератор маркиз де Кюстин сказал: "Живи я в Петербурге, я сделался бы царедворцем… из желания отыскать путь к сердцу этого человека. Я не могу не питать сочувственного интереса к человеку, коего страшится весь мир".

Мы наблюдаем рост и становление человека-императора. Ах, нет. Тут он ещё ребёнок: у него нет ни крохотного шанса на престол, ибо впереди, по старшинству, идёт царевич Константин. Николай или, как его звали на французский манер, Никс — в тени своих могучих братьев. Узенькое лицо, крохотный яркий рот — единственный ребёнок из романовского выводка не похож на курносого Павла, что дало повод для пикантных сплетен. А он вышел весь в бабушку-Екатерину: достаточно сравнить юношеские портреты Фике из Цербста с этим, написанным будто бы наспех, портретиком Никса. А вот уже Николаша-подросток — работы самого Ореста Кипренского, мастера избалованного, но умелого и высокоточного. Тут крупный и надменный мальчик в военной форме, хотя, он всю жизнь прятал за этим высокомерием свою неловкость и страх перед льстивой толпой, откуда в любой момент может вылететь пуля. Смотрит поверх голов, поверх всего.

Николай напишет о тех годах: "Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части".

Его для этого и приготовляли! Не для управления страной, где "…хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь". Портреты в мундирах разных стран и — всех родов войск. На всех картинах, созданных с разной степенью мастерства, мы видим одно: волю и красоту.

Выставка — обширна: рассказывает не только о самом государе, но и об эпохе — о женитьбе на Шарлотте Прусской, рождении наследника, семейном быте, войнах и казни декабристов, которую по сию пору ставят Николаю в вину. Все выучили тех пятерых на виселице, а скольких он вычеркнул из карающего списка? Россия XIX столетия по части либерализма (да-да) могла бы дать фору просвещённой Англии, где изменников, подобным господам-декабристам, вряд ли ждала бы иная участь.

Изображения царицы — верной и кроткой подруги, матери детей. Нежная роза в юности и жёсткая, рано состарившаяся пруссачка — в зрелые лета. Прямая спина, остро очерченный нордический профиль: говорили, что Шарлотта — в крещении Александра Фёдоровна — сделалась копией своего двоюродного деда — Фридриха Великого. Парадный портрет — в кокошнике и церемониальном русском платье, выдуманном ещё Екатериной для придворных выходов. Отрешённое лицо, гигантская чудо-корона, мало чем напоминающая традиционный женский убор на Руси. Тяжесть парчи, жемчугов и каменьев. Но в руке — букет васильков. Эра изысков и "цветочных игр"… Николай именовал флирт "васильковыми чудачествами". Этот портрет писался несколько раз и в разной цветовой гамме — то в серо-голубой, то в изумрудно-зелёной. Но есть и другие картинки-акварельки с личиком любимой жены — в полупрофиль, с пепельными буклями, на фоне псевдоготической дачи-Александрии.

Николай — один из тех немногих счастливцев, что женился по великой страсти! Вот — она с детьми, с Марией и Сашей — последнему уготована пышная и кровавая участь. "Народ освобождён, но счастлив ли народ?" — спросят вслед за Некрасовым "новые люди" и уничтожат своего благодетеля. Предчувствует ли его судьбу та царственная мать — стройная, в синем бархатном платье и дивных локонах?

Николай I в санях (1853). Художник Н.Е. СВЕРЧКОВ

Репрезентативные "персоны" подросших царевичей и царевен — вот юный Александр, конечно же, в мундире, а вот — его невеста, Мария Гессенская, вся в белом, декольте, газовый шарф, обвивавший бледные плечи… Её счастье не будет слишком долгим — Марию быстро "оставят" ради прелестей придворных нимф, а там и вовсе — заменят ловкой дивой из семейства Долгоруких. Но это будет позже, много позже…

Уверенные линии мраморных бюстов — царь Николай и его Шарлотта-Александра в образах римских патрициев и греческих богов. Немецкий скульптор Кристиан Даниэль Раух — в большом фаворе, а потому создаёт в России лучшие свои вещи. Раух оказался столь совершенен и утончён, что ему подражали весь XIX век и даже в 1930-х — на родине, когда тоталитарный неоклассик Арно Брекер ваял своих высоколобых Зигфридов.

Многокрасочная цивилизация! Виды Петербурга и Москвы, кареты, возки, дамы в шляпках и чиновники в тесных мундирчиках. Николаевская Россия — странный и непостижимый мир, а всё тот же маркиз де Кюстин испуганно запишет: "Здесь народ и правительство едины. Даже ради того, чтобы воскресить погибших, русские не отреклись бы от чудес, свершённых по воле их монарха, — чудес, свидетелями, соучастниками и жертвами которых они являются".

Соратники и — товарищи. Правдивый рыцарь — Александр Бенкендорф, лично преданный, искренний, прямодушный и — хитрый. Жизнь — для царя. Лёгкая акварель Петра Соколова: Бенкендорф здесь — светлоглазый, с перламутрово-розовыми щеками. Да, некогда и он слыл дамским угодником. И вы — мундиры голубые… Точнее, интенсивно-синие, того изумляющего цвета, что звался в те годы "блё-руа". Холодно и — уютно. Ампирная посуда — аглицкая и своя, с профилями августейшего рода. Вазоны стиля "бидермайер" — много пышности и причуд. Вся жизнь — на виду.

Питерские выставки — это всегда академизм и нежелание заигрывать с гостем. В Москве — не так. Любая экспозиция — о царях-поэтах, электричестве, коммунальных квартирах или к 100-летию комсомола — будет постмодернистской игрой-концепцией. Не то — в Петербурге. Всё чинно. И зимний царь глядит с портретов одобряюще. Навстречу северной Авроры.

Галина ИВАНКИНА

ВРЕМЯ ЧЁРНОГО ЧЕЛОВЕКА

В Лос-Анджелесе состоялась 91-я церемония вручения премии «Оскар»

ДАВНО ПРОШЛИ те времена, когда приходилось рассуждать о политической ангажированности самой главной церемонии в мире кино. Ностальгия и тоска обуревает людей доброй воли при взгляде на нынешнее состояние дел. Ныне на чистом холсте киноискусства жирными мазками оставляли и продолжают оставлять свои художества борцы за права угнетённого чёрного населения, сторонники женских влажных полномочий, противники назойливого харрасмента и прочие угнетённые энтузиасты. Достаточно вспомнить громкий скандал вокруг "Оскара" в 2016 году, когда среди номинантов не оказалось ни одного афроамериканца и последующий за этим фактом бойкот церемонии некоторыми селебрити с цветом кожи эбенового дерева. Или подчеркнуто лютую прошлогоднюю сопричастность к движению "Me Too". Но всё изменилось. В этом году главную скрипку в оркестре исполняют как "ниггеры", так и представители "сексуальных меньшинств". Ну и, конечно же, мигранты, которые после сокрушительной политики Трампа, вновь завоевали себе место под солнцем. А ещё в декабре стало известно, что запланированный ведущий — чернокожий Кевин Харт — добровольно отказался от появления на сцене из-за своих гомофобских высказываний в "Твиттере", принеся извинения целых четыре раза. Так, при полном укрощении строптивых и состоялась очередная феерия "лучшего из искусств". А для поднятия настроения слившейся в едином порыве звёздной биомассе нового мира были вручены подарки в виде шоколадных конфет с марихуаной. Странно, что никому не пришло в голову возмутиться и запретить шоколад — он же чёрный!

Итак, на повестку дня были вынесены ленты с ярко выраженной позицией, но две из них явно выбивались из общего ряда. Удивительно, но именно они и удостоились главных наград. "Рома" Альфонсо Куарона (приз за лучшую режиссуру) — исключительно гиперхудожественное кино в стиле "это уже было у Феллини", безусловно, интересно тем, кто предпочитает рассматривать красивую старомодную картинку, наплевав на сюжет. Жизнь Мехико 70-х годов глазами служанки, работающей в богатом доме, представляет собой медленное бытовое описание мира детства режиссёра, решившего отдать дань своему прошлому, используя беспроигрышный жанр чёрно-белого "папиного кино". Единственная оригинальность этой картины в том, что на фоне необходимых для крупных номинаций, указанных выше, тем, она аномально нормальна.

Лучший фильм года — "Зелёная книга" режиссера Питера Фаррелли — хоть и повествует о сегрегации в США, но скроен по канону большого Голливуда ушедших лет и потому производит приятное впечатление давно потерянной классики. В центре сюжета — реальная история вышибалы Тони Валеллонга (Вигго Мортенсен) и чернокожего рафинированного пианиста Дона Ширли (Махершал Али — лучшая мужская роль второго плана), отправившихся в гастроли по южным штатам Америки во времена, когда там ещё царил оголтелый расизм. Для большинства нормальных людей эта картина (несмотря на ретро и факт того, что Дон Ширли не только угнетённый ниггер, но ещё и гей) — о возвращении в наш мир истинных ценностей. Однако в "чёрных сообществах" её восприняли чуть ли не как очередной фильм про дядю Тома, рассказанную глазами белого человека — недопустимый приём в мире новой войны рас, которую мы имеем счастье наблюдать в наши дни. "Зелёная книга" также завоевала приз за лучший оригинальный сценарий, унеся с собой в итоге три "Оскара".

Актёр и певец Билли Портер — один из символов «новой чёрной волны» в американском киноискусстве

Приз за лучший адаптированный сценарий получил ещё один фильм о сегрегации — "Чёрный клановец" Спайка Ли. Очередная реконструкция реальных событий — уморительный и одновременно довольно пугающий пример современного "неорасизма". История о том, как в 70-е произошло совершенно невероятное внедрение в ККК полицейского-ниггера и его напарника — еврея, сумевших существенно навредить организации, начинается как комедия, заканчивается как драма. Ненависть к белым можно было бы воспринимать как гиперболизацию отношений, но зная, кто стоит "у руля" данного "локомотива", ясно одно: всё это всерьёз и надолго. Что не мешает быть фильму хорошим и, что характерно, неоднозначным, вопреки замыслу автора.

Тема афроцентризма была масштабно представлена ещё одним фильмом в главной номинации лучшего кино года — марвеловский блокбастер "Чёрная пантера", в актёрском составе которого не было практически почти ни одного белого, завоевал три статуэтки: за музыку, костюмы и работу художника-постановщика. Приз за лучшую женскую роль второго плана также достался чернокожей актрисе Реджине Кинг в ленте "Если бы Бил-стрит могла бы заговорить" — сладкой, как слеза правозащитника, мелодраме о той же сегрегации — теме, воистину неисчерпаемой в наши бестолковые времена.

Оставшиеся призы, естественно, были посвящены нетрадиционным сексуальным общениям. Приз за главную мужскую роль получил мигрант из Египта Рами Малек за сомнительную в качестве исполнения роль Фредди Меркьюри в шаблонном байопике "Богемская рапсодия". Всего история о группе "Квин" получила четыре "Оскара". И, вероятно, могла бы получить и главный приз, если бы режиссер картины Брайан Сингер — не удивительно ли? — не был уличён в сексуальном скандале. Говорят, он успешно растлевал несовершеннолетних ещё в 90-х годах прошлого века, жертвы вдруг ненавязчиво вспомнили об этом и настрочили доносы, аккурат следуя моде на быстрое обогащение. Ни один случай не дошёл до судебного разбирательства, но ярлык харрасмента уже сделал своё дело. О Сингере на церемонии "Оскар" не прозвучало ни слова от получивших награды его коллег. Не было там и его самого, что лишило церемонию полноценной интриги соперничества.

Энигма сохранялась в номинации на лучшую женскую роль. Великая актриса Гленн Клоуз, уже семь раз находящаяся в нескольких шагах до заветной статуэтки, и здесь вопреки здравому смыслу осталась без приза (фильм "Жена"). Прокатили и совершенно прекрасную Мелиссу Маккарти за роль реальной личности — писательницы-лесбиянки (да что же это такое?) Ли Израель, вошедшей в историю в качестве очередной аферистки, в очень тёплой и приятной картине "Сможете ли вы меня простить?". Фильм действительно получился душевным, что в очередной раз доказывает, что мы не расисты и не гомофобы, и что данные факторы судьбы не всегда становятся лейтмотивом очевидного движения вверх по заданной схеме. Тем не менее у киноакадемиков среди героинь, предпочитающих женщин, был выбор — и "Оскар" достался другой белой актрисе, Оливии Колман, за роль королевы Анны в фильме "Фаворитка" модного режиссера Йоргоса Лантимоса. Лесбийская драма о сексуальном треугольнике между Анной Стюарт, герцогиней Мальборо и Абигайль Черчилль (эти личности хорошо известны нашему зрителю по советскому фильму "Стакан воды") получилась крайне неприятной физиологически, мрачной альковной историей. Французский драматург Эжен Скриб в своей пьесе, экранизированной Юлием Карасиком в 1979 году, об этом ничего не писал. Деспотично-капризная Анна в окружении множества кроликов, символизирующих несостоявшееся королевское потомство, разыграна слишком гротескно, чтобы отнестись к трагедии героини всерьёз. Полюбить её невозможно. Сочувствовать ей — сложно. К тому же антиисторичность картины и её вопиющая отвратительная эстетика вообще не позволяют воспринимать ленту как серьёзный аргумент в пользу киноискусства.

Что же касается самой церемонии, то в историю она войдёт не благодаря каким-то особенным фильмам или громким именам. Американский актёр и певец Билли Портер пришел на красную ковровую дорожку в оригинальном наряде, сочетающим в себе смокинг и пышную юбку до пола. Выход в платьице можно было бы рассматривать как троллинг, если бы не цвет кожи и сексуальная ориентация героя вечера. И всё наперёд предсказала группа "Аквариум":

Анютины глазки да божьи коровки
Нас не узнают, мы придем в обновке —
В новых одеждах, с новыми глазами.
Они спросят: "Кто вы?" —
Догадайтесь сами.
Только мы вышли, как уже вернёмся.
Они удивятся, а мы засмеёмся.
Как тут не плакать, как не смеяться!
Они переварят и присоединятся.

Занавес.

Анастасия БЕЛОКУРОВА

АЙЯЙ-АЙКА

Фильм-диверсия

В ЭТОМ ГОДУ обладателем кинопремии "Оскар" в номинации "Лучший фильм на иностранном языке" стала картина "Зелёная книга" — качественный, но оттого не менее политизированный байопик про путешествие итальянского вышибалы и чернокожего музыканта по американскому Югу в 1962 году. Красивая история о путешествии и переоценке приоритетов приводит в итоге к очевидной морали: расизм — это плохо, а времена сегрегации, когда негров не пускали в отели, рестораны и музыкальные клубы для белых, были сравнительно недавно. Словом, компания подобралась вполне типичная для "Оскаров" последних лет — художественная ценность уступила место политике, подающейся прямо в лицо, и идеологическому наполнению, единообразному и опостылевшему. Самое любопытное тут то, что это признак не только американского кинематографа; тенденция, которую в случае завязанности её только на США можно было бы списать на замысел киностудий или уникальный культурный климат, цветёт по всем западным странам и прорастает и у нас.

В подтверждение этого тренда в России на деньги Министерства культуры РФ режиссером Сергеем Дворцевым был снят казахстанский фильм "Айка". Широкое обсуждение драме обеспечила победа в номинации "Лучшая женская роль" на Каннском кинофестивале в мае прошлого года. Как часто бывает с фестивальным кино, фильм вышел в широкий прокат только в феврале, на пике наградного сезона, под который фильм и затачивался, — и вот, спустя три четверти года после привередливой каннской публики, он оказался доступен и широким зрительским массам. Теперь самый обычный посетитель самого обычного кинотеатра имеет возможность приобщиться к высокому искусству кино, попавшего в шорт-лист и не дошедшего лишь немного до окончательного списка номинантов на "Лучший фильм на иностранном языке" Американской киноакадемии.

Повествует же "Айка" о попытках одноимённой киргизской девушки выжить во враждебной среде, полной ненависти, ксенофобии и неприкрытого фашизма — в современной Москве. "Гуманитарная катастрофа в собянинской Москве" — так озаглавил один либеральный кинокритик свою рецензию на "Айку". Героиня драмы бросает в роддоме собственного ребёнка из-за нехватки времени, чтоб им заниматься: нужно постоянно работать, чтоб выжить. Снимавшиеся шесть лет пять дней, которые проводит с ней зритель, она страдает от болей, кровотечений и мучений по поводу огромного долга и брошенного ребенка. Интересен метод съемки — лицо героини показывают как можно реже, в основном зритель видит её со спины, на фоне чего главную роль играет контекст в виде грузной, заснеженной и давящей Москвы, улыбчивых коллег-гастарбайтеров (сыгранных, по словам режиссёра, настоящими нелегалами) и равнодушно-злобных (по мысли режиссёра) местных.

В качестве несомненного плюса "Айки" рецензенты отмечают, что это натуралистичный фильм о том, о чём не принято говорить. При всем этом, те же рецензенты начисто забывают, что подобные черты вовсе не делают фильм обязательно хорошим. "Айка" качественно сделан, но посыл, лежащий в его основе, подозрительно напоминает модные нынче на Западе фильмы, где корнем бед мигрантов, беженцев и прочих нежеланных чужаков видятся местные, отказывающиеся принимать их в свои объятия. Россия, таким образом, обозначается, как написали в рецензии на феминистском сайте "Wonderzine", "коррумпированным, ханжеским и расистским обществом", тем самым вставая в один ряд со странами, чьим политическим модус операнди стало искупление вины перед потомками дикарей, страдавших от столетий колониального угнетения. России, которую здесь представляет холодная и равнодушная стихия Москвы, предлагается покаяться и заплатить. Валюта, в которой "несчастные угнетённые" будут принимать оплату, не уточняется, равно как и ответ на вопрос о том, зачем вообще вливаться во враждебную среду, прекрасно понимая свою чужеродность этой среде. Умело сделанный фильм, обещавший дать ответ, мямлит на простой и основополагающий вопрос что-то невразумительное, а рецензенты, почему-то особо отмечавшие игру главной актрисы, поразившей разве что своей безликостью, в один голос утверждают, что ответ очевиден.

Рассмотрение проблемы массовой миграции через призму общечеловеческого гуманизма, чьи формулы были выведены задолго до возникновения актуальных ныне проблем, стало простой и эффективной ловушкой, в которую западные интеллектуалы загнали иммиграционный дискурс. В этом смысле некоторые представленные на "Оскар" фильмы и "Айка" — ягоды одного поля, оружие, призванное внушить зрителям вину и понимание того, что приезжие нелегалы имеют такое же право на ту землю, куда они прибыли без приглашения, как и её исконные жители. Вопрос даже не в том, почему снимаются такие фильмы — в конце концов, как показывают нынешние тенденции, в выражении своих идей многие и видят суть кинопроизводства. Вопрос в том, почему такое кинопроизводство, сознательно или нет обвиняющее, провоцирующее и оскорбляющее значительную часть населения России, спонсируется нашим Министерством культуры?

Илья ТИТОВ

Книга Джамбулата УМАРОВА "Фактор КРА. Противостояние". Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.

Книга Игоря ШУМЕЙКО "10 мифов об Украине". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Н.И. ЛИБАН. "Русская литература. Лекции-очерки" в 3 томах. — М.: "Прогресс-Плеяда", 2014-2015. Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.

Новая книга Владимира БУШИНА "Неизвестный Солженицын. Гений первого плевка".
Справки по телефону: 8 (917) 578-49-14.

Сдвоенный номер 9-10 (65-66) журнала "Изборский клуб" раскрывает тему священной истории.

В статье "В России — начала и концы мира" Александр Проханов утверждает: "Россия — мессианская страна, а русские — мессианский народ".

В номере представлены материалы круглого стола "В поисках русской мечты и образа будущего".

Приведён доклад Изборскому клубу "Священная история — здесь и сейчас" (под редакцией Виталия Аверьянова), авторские доклады Вардана Багдасаряна "Священная история — основа национального самосознания" и Владимира Можегова "Два мессианства. Противостояние". Также можно ознакомиться со статьями: Виталия Даренского "Святая Русь как метафизическое оружие", Владимира Большакова "Священная история Русской цивилизации и её системные кризисы", Егора Холмогорова "Очерки об агиополитике", Шамиля Султанова "Мистика суфийского "вакта"", Валерия Коровина "Битва за конец истории", Михаила Кильдяшова "История ведёт тебя к вечности", протодиакона Владимира Василика "Война священная. О промыслительном значении двух отечественных войн".

Рубрика "Стихия" знакомит с поэзией Сергея Арутюнова.

Справки по телефону: 8-985-256-91-24.

Книга "Как жил, работал и воспитывал детей И.В. Сталин. Свидетельства очевидца" (Артём Сергеев. Екатерина Глушик) и книга Екатерины Глушик "Пути исповедимые" (публицистика). Справки по тел.: 8 (985) 256-91-24.